Гарри всегда гордился своей физической подготовкой.

Но в тот день он обнаружил, насколько он слаб.

— Какого черта она ест, у меня запястья болят.

Мне даже не было так больно, когда я занялся боевыми искусствами, и она буквально ломает твоё тело».

Это единственное, о чём он мог думать, пока они поднимались по вращающейся лестнице в кабинет Дамблдора.

Когда они поднялись наверх, Гарри наконец смог увидеть легендарный кабинет директоров.

На стенах висели портреты всех предыдущих директоров Хогвартса.

Все они спали или, по крайней мере, пытались уснуть.

Гарри знал, что им нравится подслушивать любой разговор, происходящий в офисе, и притворяться спящими всякий раз, когда кто-то входит.

По комнате было разбросано множество всякой всячины.

Он увидел говорящую шляпу на верхней полке.

На разных полках были и другие блестящие предметы, которые разожгли его любопытство.

Будучи инженером в прошлой жизни, он очень интересовался такого рода изобретениями.

Это было причиной, по которой он хотел изучать алхимию после СОВ, так как, наряду с его мастерством в Трансфигурации, он сможет изобретать сумасшедшие вещи.

Многие из них могли быть взяты из его прошлой жизни, поскольку этот мир все еще находился в ранней эре интернета, а информационный взрыв еще не произошел.

Это позволило бы ему создать много замечательных гаджетов.

Затем он посмотрел на подставку сбоку от стола директора.

На самом деле, больше похоже на существо на том стенде.

Это был Фоукс, питомец Дамблдора Феникс.

Это был ФЕНИКС.

Он даже не мог сосчитать, сколько раз ему хотелось увидеть это существо после прочтения первой книги.

Это была мифическая птица, которая в восточных культурах считалась одним из четырех божественных зверей.

Они были известны как очень гордые существа и никогда никому не подчинялись.

Итак, это действительно пробудило интерес Гарри к методам, которые Дамблдор использовал для приручения этого феникса.

Он также хотел один, если это было возможно.

Но волшебные существа, такие как Феникс, не принимают людей в качестве своих хозяев из-за ограниченной продолжительности жизни человека.

Эти существа могли жить веками или даже тысячелетиями.

Так что подчиняться кому-то или даже относиться к ним как к равным, когда они будут жить максимум сто-двести лет, не имеет никакого смысла.

Но все это было потом.

Прямо сейчас ему пришлось иметь дело с величайшим из живых волшебников.

Дамблдор сидел за столом и смотрел на Гарри и МакГонагал поверх очков-полумесяцев.

— Итак, Минерва, что я могу сделать для тебя и юного Гарри?

— спросил Дамблдор своим обычным, почти ласковым голосом.

Это была самая отличительная черта его личности, он всегда, казалось, знал все и большую часть времени знал.

Но сегодня был один из тех дней, когда он не знал всего.

"Директор, у нас тут ситуация. Я..."

«Почему бы нам не позволить Гарри рассказать нам? Я полагаю, что это как-то связано с ним.

Я прав, Гарри?»

— прервал Дамблдор прежде, чем МакГонагалл успела начать свой рассказ.

— Перестань притворяться таким крутым, ты, старый туманный.

Хм, давай посмотрим, сможешь ли ты сохранить свое самодовольное выражение лица после того, как я закончу,

— подумал Гарри.

«Да, сэр. Думаю, будет лучше сначала показать вам, а потом мы сможем сыграть в двадцать вопросов»,

— ответил Гарри, пытаясь подражать старому волшебнику.

Это заставило его слегка дернуть глазами МакГонагалл.

Он был очень незначительным, его почти не было.

Но Гарри уловил это и не мог не чувствовать себя хорошо.

Затем он махнул рукой, и песочный таймер перед ним поплыл вверх, а песок внутри начал менять цвет, перетекая в обратном направлении.

Он стал красновато-золотым, как цвета Гриффиндора.

Делая это, он не сводил глаз с лица Дамблдора и активировал свою крепость разума на полную мощь.

И, как и ожидалось, в тот момент, когда Дамблдор увидел, что он сделал, он повернулся к нему лицом, и Гарри почувствовал, как какая-то сила вторгается в его мозг.

Это было похоже на укол булавкой, и Гарри потребовалась вся сила воли, которую он накопил

за эти годы, чтобы не дать этой игле пройти сквозь его «стену».

— Вы же знаете, что невежливо заглядывать в чью либо голову без разрешения,

— заметил Гарри с хитрой ухмылкой на лице.

Затем он увидел то, что лишь немногие когда-либо имели честь видеть.

Он увидел удивление на лице Дамблдора.

Это было то, что потрясло даже МакГонагалл.

Она никак не ожидала, что директора поймают на использовании легилименции.

— Что это за ребенок? одновременно подумали МакГонагалл и Дамблдор.

«Если вы действительно хотите что-то узнать, вы можете просто спросить.

На самом деле, у профессора МакГонагалл уже есть ответы на ваши вопросы.

Но, думаю, я повторю все только один раз.

Итак, что произошло...»

Гарри продолжил ту же историю, что и МакГонагалл.

Но на этот раз он говорил по делу.

Он знал, что Дамблдор почует что-то подозрительное, если он попытается рассказывать истории. говорил только то, что имело отношение к делу и касалось фактов, не вовлекая в это какие-либо свои эмоции.

К концу Дамблдор просто откинулся на спинку стула и закрыл глаза.

Скорее всего, он прокручивал в голове весь разговор и пытался найти лазейки.

Гарри знал, что есть места, на которые Дамблдор мог бы указать, но все они были настолько тонкими, что в тот момент, когда вы подумали об этом, вы могли бы сами получить ответ, а затем понять, что это бессмысленно.

Например, даже несмотря на то, что его тетя и дядя были такими антимагами, почему они поддерживали его деятельность, доходя до того, что информировали его о волшебном мире?

Хотя это был правильный вопрос, и если бы вы действительно потратили время на расследование, вы бы нашли что-то, что противоречит его истории.

Но сколько на самом деле потребовало бы времени и усилий, чтобы копаться в десяти годах жизни ребенка?

Самая важная причина, по которой Гарри был уверен в своем ответе, заключалась в том, что хотя вопрос и был важным, ответ на самом деле не был таковым.

Может быть, кто-то тайно научил его всему, что он знал, а может быть, он узнал об этом случайно, как и сказал, а может быть сотни разных причин его необычайных способностей.

Но в конце концов все сводилось к абсолютно неопровержимому факту, что Гарри был чрезвычайно талантливым волшебником.

Независимо от причины, этот факт нельзя было обнаружить.

И Гарри знал, что Дамблдор придет к такому же выводу.

То, как он научился магии, было не так уж важно по сравнению с тем, что он собирался с ней делать.

Это был вопрос, который действительно имел значение.

Дамблдор тоже не обманул его ожиданий.

«Итак, Гарри, я полагаю, есть причина, по которой ты сидишь здесь, в моем кабинете, и рассказываешь мне все это.

Ты мог легко все скрыть своими способностями.

Так почему ты их раскрыл?

Каковы твои планы?»

— серьезно спросил Дамблдор.

Гарри чувствовал осязаемое магическое давление в воздухе.

Это было на уровне, который был за пределами его самых смелых фантазий.

Если Воландеморт был где-то рядом с этим уровнем, то Гарри был младенцем.

Ему потребуется по крайней мере четыре-пять лет, чтобы бороться с этим давлением маны.

Но даже тогда он не смог бы победить его, не говоря уже о том, чтобы убить.

Это просто доказывает, что Гарри невероятно повезло в этой истории, потому что все сложилось так, как получилось.

Если бы что-то пошло не так, финал был бы совершенно другим.

Теперь, на самом деле, все уже отклонилось от нормального пути, поэтому Гарри был готов поставить свою жизнь на то, что финал будет не таким, как его показывают в фильмах или книгах.

«Мне нужно завоевать доверие Дамблдора, иначе мое будущее будет выглядеть по-настоящему мрачным»,

— подумал Гарри, осознав разрыв между их способностями.

«Профессор, у меня пока нет никаких конкретных планов.

Все, что я знаю, это то, что я буду сражаться с врагом, который намного превосходит мои способности или способности кого-либо вокруг меня.

Все думают, что он мертв, но я знаю, что он жив.

Я чувствую это Я чувствую, что между нами есть связь, и эта связь является главной причиной моего нынешнего магического мастерства.

В тот день, когда Воландеморт пытался меня убить, он не только оставил мне этот шрам, но и дал мне часть себя, точнее, своих магических способностей.

Вот почему я могу говорить на парселтанге, использовать магию с самого раннего возраста, иметь почти совершенный контроль над своими мыслями и чувствами и почти неутолимую жажду магических знаний.

Я знаю, что в это может быть немного трудно поверить, и я не ожидаю, что вы поверите мне на слово.

Вот почему я хочу, чтобы вы задали вопрос, настоящий вопрос, который вы хотели задать, но не могли произнести его вслух,

— сказал Гарри, глядя на Дамблдора.

Старый волшебник секунду смотрел на него, а затем сказал:

«Хорошо, Гарри, тогда скажи мне, как я могу быть уверен, что ты не станешь следующим Волан-де-Мортом?»

Это был вопрос, который был корнем всех сомнений.

Итак, Гарри дал ответ единственным способом, которым, как он знал, Дамблдор поверит ему,

— сказав правду.

«То, что я собираюсь сказать, может показаться смешным, даже нелепым, но уверяю вас, я не сошел с ума и достаточно обдумал все.

Профессор, мой ответ таков: я скорее стану магглом, чем будущим Волан-де-Мортом».

Дамблдор снова казался удивленным.

Для волшебника не было ничего хуже, чем потерять способность использовать магию.

Так что то, что сказал Гарри, не было чем-то, что любой волшебник сказал бы небрежно.

Но теперь он стал еще больше любопытствовать о мальчике.

«Но почему бы и нет?»

Я имею в виду, не поймите меня неправильно.

Я не желаю еще одного Воландеморта, но я могу понять мотивацию желания быть им.

Так много силы и свободы использовать ее так, как вы хотите.

Разве не об этом мечтает любой волшебник...

Даже я иногда поддаюсь искушению.

Так что, пожалуйста, скажи мне, Гарри, почему ты предпочел бы провести свою жизнь как бездарный маггл, но не получить то, чего тайно желает каждый волшебник?

Почему ты не хочешь стать следующим Волан-де-Мортом?»

<http://tl.rulate.ru/book/17848/1786102>